

Никонов В.А. Соединенные Штаты Америки

Лекция

Журнал «Стратегия России». 2013. № 3.

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич,

первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по международным делам,
декан факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель правления фонда «Русский мир»,
доктор исторических наук

США — государство в Северной Америке, которое по своей территории (9,63 кв. км) занимает 4-е место в мире после РФ, Канады и КНР. Протяженность с востока на запад 4662 км, с юга на север 4583 км. Сухопутные границы 12 034 км — с Канадой, включая Аляску, 8893 км; с Мексикой 3141 км. Соединенные Штаты состоят из трех несмежных частей:

— основная — площадь 7830 тыс. км²;

— Аляска — 1,53 млн км²;

— Гавайские острова (24 острова в Тихом океане общей площадью 16,8 тыс. км²).

Владения США включают Пуэрто-Рико, Виргинские острова в Карибском море, острова в Тихом океане — Гуам, Восточное Самоа, Уэйк, Мидуэй, атолл Джонстон и ряд более мелких. Вся основная территория США лежит (для наглядности) южнее Киева и относится к регионам с субтропическим и умеренным климатом. Аляска расположена в субарктическом и арктическом поясах, Калифорния, Гавайи и южные части Флориды и Мексиканского нагорья — в тропиках.

По численности населения — 316 млн. человек — Соединенные Штаты третьи на планете после Китая и Индии. Наиболее плотно заселен восток страны. Самая высокая плотность населения в штате Нью-Джерси, низкая — на Аляске. Расово-этнический состав населения: белые — 77,1% (включая испаноязычных), афроамериканцы — 12,9%, лица азиатского происхождения — 4,2%; индейцы, эскимосы, алеуты — 1,5%; жители Гавайских и других тихоокеанских островов — 0,3%, другие — 4%. Государственный язык английский, хотя во многих южных штатах де-факто официальным является также испанский. США — одна из самых верующих стран на планете. Три

четверти населения христиане (протестанты — 56%, католики — 28%), иудеи — 2%, другие — 4%; атеистов не более 10%.

США в Западной цивилизации

Соединенные Штаты — плоть от плоти западной цивилизации. Но все-таки это отдельная ее ветвь, обладающая немалыми особенностями. Посмеяться над простоватыми и неотесанными «янки» любили многие европейцы, особенно до тех пор, пока США не стали великой державой. «Америка — это не Запад, а Дальний Запад», — был уверен Жорж Дюамель, французский писатель. «Америка — это большой дружелюбный пес в очень маленькой комнате. Всякий раз, когда он виляет хвостом, он переворачивает стул», — иронизировал Арнольд Тойнби. Жоржу Клемансо принадлежат слова: «Америка — единственная страна, перешедшая из стадии варварства прямо в стадию дегенерации, минуя стадию цивилизации». «Культ героев в Америке развит необычайно, а герои всегда выбираются среди уголовников», — не скрывал своих чувств Оскар Уайльд. Он также уверял: «У нас, англичан, с американцами теперь и вправду все общее, кроме, разумеется, языка». Уинстон Черчилль, мать которого была американкой, тоже иронизировал: «Туалетная бумага здесь слишком тонкая, а газеты слишком толстые»¹.

Роджер Осборн подчеркивал: «Если взять Соединенные Штаты, основатели страны и авторы конституции были людьми Просвещения, глубоко укорененными в классической традиции: надо вспомнить также, что европейские поселенцы использовали идею «цивилизаторской миссии» в качестве обоснования захвата Американского континента и уничтожения его коренного населения. С другой стороны, Америка была основана в противовес тогдашним европейским ценностям и состоялась, особенно после волн массовой иммиграции конца XIX века, как общество иного типа. Слово «цивилизация» в устах европейца звучало во многом как вызов американским идеалам — его элитарность и ностальгия противопоставлялись американскому популизму и устремленности в будущее. Да и массовая культура — предмет горького сарказма европейских интеллектуалов в XIX и XX веках — тоже являлась преимущественно американским изобретением. Только после Второй мировой, когда Америка сделалась ведущей державой западного мира, эти противоречия впервые стало возможным как-то разрешить»².

Уитмен, изъездивший всю страну, писал, что старается «распеленать сознание еще не обретшей форму Америки, освободить его от предрассудков, избавить от затянувшегося, неотступного, сковывающего

наследства антидемократических авторитетов азиатского и европейского прошлого». Америка (насколько поэтичнее это звучало, чем Соединенные Штаты!) должна была стать новой страной, отвернувшейся от Европы и метафорически, и культурно. История Европы растворялась, как если бы ее не было. Америка не имела своей Басконии, Ольстера, Эльзаса и Лотарингии или Шлезвиг-Гольштейна, за которые нужно было убивать других и гибнуть самому. Если иммигранты-европейцы первого поколения еще имели корни на родине, то у их детей уже не было привязанности к стране своего происхождения.

«В отличие от европейцев, американцев не преследует призрак их прошлого. Америка всегда видела себя в будущем, а не в настоящем, скорее как проект, чем как продукт истории, — полагает Доминик Моизи. — ...В отличие от Европы, Америка традиционно характеризовалась как страна надежды. Вся ее история, как и история государства Израиль, основана на почти мессианской надежде и убежденности в том, что это страна искупления, освобождения, новых начал. Именно этот исполненный надежды оптимизм помог скромной и идеалистической раннеамериканской республике обрести статус империи менее чем за два столетия. Тот же дух свободы служил основанием мягкой власти Америки и ее привлекательности для всего населения мира.

Оптимизм, идеализм, индивидуализм, гибкость, культ превосходства, убежденность в собственной уникальности традиционно были ключевыми компонентами успеха для страны, видевшей себя с самого начала скорее как строительную площадку нового мира, чем как некую память или традицию, которую нужно защищать или преодолевать. В то время как Европа XX века была построена на идее преодоления истории, а ее особой силой и слабостью была способность вызывать в памяти собственное прошлое, Америка всегда думала только о будущем.

С точки зрения Европы, Америка представляется страной с чрезмерным контролем на границах и недостаточным внутри самой страны. Этот недостаточный контроль проявляется не только в безуспешных мерах регулирования финансовых рынков. Он также обнаруживается в слабой системе регулирования социального поведения и смягчения худших последствий безудержного индивидуализма. Взять, к примеру, настойчивую защиту права носить оружие, что приводит к доступности огнестрельного оружия, дамкловым мечом висящим над головами множества невинных американцев, и к учащению эпизодов со стрельбой в средних школах Америки, в колледжах и университетах. Разве есть какая-либо иная страна в мире, где учителям разрешено, где им даже рекомендуется приходить на

занятия в средней школе с огнестрельным оружием, как в Техасе? Европейцев беспокоит то, что этот недостаток контроля начинает распространяться на Европу как обескураживающая разновидность американизации, включающая насилие в молодежной среде и войны между молодежными бандами, наподобие тех, что разворачиваются во множестве американских городов, и рост злоупотребления алкоголем»³.

Колониальный период и основы американской традиции

До конца XVI века обе Америки принадлежали Испании. Ее могущество заставляло другие нации избегать вражды с испанским королем. Единственными европейскими поселениями в Северной Америке к 1600 году были испанские крепости Сан-Хуан на территории нынешнего Нью-Мексико и Сан-Августин во Флориде. В XVII веке соотношение сил в Европе резко изменилось, что моментально нашло отражение и в Западном полушарии. Центром военно-морского могущества становилась Англия. Франция, преодолев внутреннюю смуту, наращивала сухопутные силы. Нидерландские государства, восставшие против Испании, образовали Республику Соединенных провинций, ставшую крупнейшим торговым партнером с Новым Светом. Слабевшая Испания ревностно отстаивала свои позиции в Южной и Центральной Америке, но не в слабо заселенной северной части континента, куда и устремились англичане, французы и голландцы. В первые годы XVII века, следуя по пути, проложенному Жаком Картье, французские коммерсанты двинулись по реке Святого Лаврентия, закладывая поселения на месте нынешних Квебека и Монреаля. После они двинулись на запад, через район Великих озер, и на юг, в бассейн Миссисипи, где вышли к Мексиканскому заливу и в 1718 году основали поселок, ставший позднее Новым Орлеаном. Французы застолбили за собой огромную территорию, но их было слишком мало. В 1750 году в Луизиане (так называлась огромная территория, номинально подчиненная французской короне) жили порядка 2 тысяч французов и немцев и от 200 до 300 тысяч коренных американцев. Голландская и английская волны колонизации Северной Америки шли совместно. В 1609 году Хендрик Хадсон (Гудзон), английский исследователь на службе голландской Ост-Индской компании, поднялся по реке, носящей ныне его имя, в поисках морского пути в Индию. Торговцы из Нидерландов примерно с 1624 года начали заселять острова в устье самой реки, включая Губернаторский остров и Манхэттен. Они привели за собой более 10 тысяч колонистов из Европы — французских гугенотов, бельгийцев, англичан, финнов и шведов, а также португальских евреев из Бразилии, африканцев. Так появился Новый Амстердам, превратившийся в Нью-Йорк в 1664 году,

когда прибывшие английские военные корабли не заставили голландцев признать суверенитет Британии.

В XVII веке Лондон инвестировал средства во флот, а не в крупную регулярную армию, как на континенте. Английское дворянство также охотно вкладывалось в прибыльные исследовательские, торговые и пиратские миссии. Результатом стала гегемония Англии на морях, в частности, в северной Атлантике, а затем и на большей части мирового океана. Когда в ходе революции 1640-х годов в Англии начались преследования протестантских сект, вышедших из повиновения официальной церкви, многие из их членов были вынуждены покинуть страну, и поток беженцев только возрос после реставрации монархии в 1660 году. Представители сект отправлялись за океан, чтобы попытаться создать избавленные от вмешательства правительства общины на принципах истинной веры. Хотя немалое число переселенцев гнали через океан не преследования и идеализм, а стремление к лучшей жизни.

Первым постоянным собственно английским поселением в Северной Америке был Джеймстаун, основанный в 1607 году (сейчас это — фешенебельный район города Вашингтона). Пестрое общество небедных и готовых вложиться в рискованное дело предпринимателей, оплатившие свой переезд временными кабальными договорами ремесленники, надеявшиеся на кусок земли — все они даже не представляли, чего ждать на новом континенте. Из 8—9 тысяч человек, прибывших между 1610 и 1622 годами, 80 процентов не прожили и десяти лет. Чума и малярия, занесенные на кораблях с островов Карибского моря, желтая лихорадка и дизентерия выкосили большинство переселенцев. Наведение элементарного порядка, естественным путем выработавшийся иммунитет к болезням, а также открытие такой ценной товарной культуры, как табак, позволили колонии выжить. В 1643 году ее население уже составляло 5 тысяч человек. Как только жизнь вошла в спокойное русло, район Чесапикского залива стал центром притяжения для многих британских эмигрантов. В 1620 году группа религиозных раскольников, позднее названных отцами-пилигримами, высадилась гораздо севернее Джеймстауна, на мысе Кейп-Код. Хотя им тоже пришлось нелегко, колония выжила, и в 30—40-х годах XVII века примеру ее основателей последовали еще около 18 тысяч пуритан. Пилигримы сумели обжить территорию гораздо успешнее, возможно, благодаря взаимовыручке: к 1700 году в районе Массачусетского залива жили уже порядка 100 тысяч поселенцев. Крупнейшим городом Новой Англии стал Бостон.

В 1681 году Уильям Пенн основал колонию для преследуемой в Англии секты квакеров на территории, которая позже получила название Пенсильвании. Эта колония, наученная опытом предшественников и существовавшая в более благоприятных природных условиях, стала также пристанищем для протестантских сект из Шотландии, Германии и Швейцарии. К 1700 году Филадельфия, обогнав Бостон, являлась самым крупным городом на атлантическом побережье Северной Америки. До середины XVIII века Америка представляла собой по преимуществу цепочки прибрежных колоний, входивших в мировую торговую сеть, связывавшую Европу, Северную и Южную Америки, Индию, Ост-Индию, Китай. В условиях изначального отсутствия властных структур и крайней слабости колониальной администрации некому было определять принципы организации управления, правосудия, образования и гражданам пришлось взять это на себя. В городах стали использовать методы самоорганизации, аналогичные общинным структурам Западной Европы. Каждая из американских колоний зарождалась как небольшое поселение, управляемое группой избранных всем сообществом людей, не отличавшихся по статусу от остальных. Такая система сохранялась и в дальнейшем, когда колонии стали разрастаться. Каждый вновь основанный городок обзаводился аппаратом управления, избиравшие городские советы несли ответственность перед своими избирателями на регулярных открытых городских собраниях, где жители озвучивали свои пожелания и претензии, выбирали представителей в совет и принимали общегородские решения. В сельской же местности, где преобладали индивидуальные фермеры, деревни европейского типа не возникли, соответственно, не было и крестьянских общин. Изолированное фермерское расселение стало моделью жизни американской провинции на последующие три столетия.

Еще в дореволюционную эпоху формировался особый генетический код, определивший многие особенности американской традиции. Она изначально была дуалистичной, отражавшей различные компоненты исторического сознания и опыта.

Американскую модель иногда называют идеальным творением, авторов которого не сковывал авторитет истории и власти. Это и так и не так. Англо-американская цивилизация, уверял Алексис де Токвиль, есть «результат (данное исходное положение должно постоянно присутствовать в ходе любых размышлений) двух совершенно различных начал, которые, кстати говоря, весьма часто находились в противоборстве друг с другом, но которые в Америке удалось каким-то образом соединить одно с другим и даже превосходно сочетать. Речь идет о приверженности религии и о духе

свободы.

Основатели Новой Англии были ревностными сектантами и одновременно восторженными новаторами. С одной стороны, их сдерживали оковы определенных религиозных верований, а с другой — они были совершенно свободны от каких-либо политических предрассудков... Перед этими людьми рушатся все преграды, сковывавшие общество, в котором они родились; устаревшие взгляды, в течение долгих веков влиявшие на мир, постепенно исчезают, перед ними открываются практически безграничные возможности, напоминающие некое бесконечное пространство без горизонта. Человек устремляет свой разум к этому полю деятельности, он исхаживает его вдоль и поперек, однако, достигнув границ мира политики, он невольно останавливается»⁴.

Классик американской историографии Артур Шлезингер-мл. считал центральным для понимания сути Соединенных Штатов разницу в ответе на ключевой для них вопрос: является ли Америка экспериментом для части человечества или реализацией божественного замысла, предназначения свыше? Шлезингер прослеживал «две нити, которые переплелись с того самого времени, когда англоговорящие белые впервые вторглись на западный континент, ведут каждая свою тему, пребывая в неухающем противоборстве относительно того, в чем смысл Америки. Истоки обеих тем лежат в нравственных установках кальвинизма. Обе темы в дальнейшем были обновлены светскими дополнениями. Обе нашли себе место в разуме американца и на протяжении американской истории борются за обладание им. Их соперничество, несомненно, будет продолжаться до тех пор, пока существует нация». Шлезингер назвал первую тему традицией, а вторую контртрадицией, хотя не исключал, что другие историки с полным основанием могут поменять их местами. И обе они присутствовали в сознании первых переселенцев.

Новая родина для бежавших от преследований глубоко верующих людей тоже первоначально была крайне негостеприимной, бросая каждодневные вызовы выживанию. «Кальвинистское учение по духу своему было пронизано убеждением в испорченности человека, в ужасающей непрочности человеческого бытия, в суетности всех дел простых смертных, находящихся под судом беспощадного и грозного божества»⁵. Тяжелейшие условия жизни на новом континенте давали основания для подобных настроений. Гарриет Бичер-Стоу вспоминала в романе «Олдтаунские старожилы»: «Основой основ жизни... в Новой Англии была глубокая, невыразимая и потому молчаливая грусть, при которой само существование человека рассматривалось как ужасный риск и, применительно к огромному

большинству людей, как невообразимое несчастье». Они искали обоснования своей миссии в этом мире и своей вновь обретенной земли в человеческой цивилизации.

Исторически первой была как раз «контртрадиция», то есть божественная интерпретация судьбы Нового Света. Религиозное напряжение первых переселенцев стало основанием для появления мессианско-идеалистической традиции. Идеи мессианизма имели корни еще в британской идейно-политической традиции XVII века, когда в трудах многих философов и общественных деятелей звучала мысль о том, что англосаксам предписано свыше колонизировать и тем самым принести цивилизацию и «истинную» пуританскую веру в Новый Свет, да и в другие районы земного шара. «В том веке, когда кальвинисты отправились в Новую Англию, можно было также наблюдать примитивный апокалипсический фанатизм, присущий первым христианам. Колонисты в Новой Англии ощущали себя покинувшими родной дом и очаг по призыву свыше для того, чтобы претерпеть невообразимые лишения и испытания в стране, полной опасностей... Страдания сами по себе казались им доказательством их некой роли в истории спасения»⁶.

Первоначально речь шла о том, что Америке предназначено стать моральным примером всему остальному человечеству. Но уже в сознании ранних поселенцев идеи «исключительности» перешагивали далеко за рамки Американского континента. Особенно это касалось пилигримов Массачусетского залива, которые, по словам историка Дэниела Макинери, «стали первыми американцами, осознавшими свою особую миссию и позиционировавшими себя как часть спасительной нации, которая призвана стать образцом для всего мира. Подобная модель не допускала инакомыслия. Пуритане не отвергали идею религиозной свободы, но признавали ее только для самих себя — чтобы жить и поступать в соответствии с велениями собственного Бога»⁷. Не случайно именно в Массачусетсе началась печально известная «охота на ведьм», апогеем которой стал Сейлемский процесс, когда пред судом предстали около 100 человек — в основном, пожилых женщин, — из которых 20 были казнены.

В пуританских представлениях губернатора колонии Джона Уинтропа о «Граде на Холме», к которому будут обращены взоры всех народов, и об Америке как стране Господа ей отводилась роль не скорбного просителя Божьей милости к человечеству, а верховного арбитра других народов, наделенного особой способностью проникновения в божественное Провидение. Уверенность в будущем, predetermined свыше величии Америки составляла важный компонент формировавшегося национального

сознания. Жители колоний в большинстве своем разделяли убеждение видного литератора и теолога Дж. Эдвардса, который в 40-е годы XVIII в. писал, что Провидение избрало Америку в качестве средства для «славного обновления всего мира»⁸.

В то же время борьба за существование, стремление сделать окружающий мир более совершенным становились питательной средой и источником вдохновения для реалистического мышления, откликавшегося на тяготы бытия и устремленного к практическим действиям, исходящим из сознания несовершенства человеческой природы и необходимости учитывать исторический и текущий опыт. Эта тенденция очевидно превалировала в американском политическом сознании XVIII века, когда отцы-основатели Соединенных Штатов в поисках вдохновения для выработки идеологии борьбы за независимость и создания нового государства обращались в первую очередь к истории... Древнего Рима (Греция интересовала гораздо меньше), к мыслям Полибия, Плутарха, Цицерона и Тацита. Изучение классической литературы и римской истории, которая не вселяла уверенности в неизбежности прогрессивного развития человечества, усиливало кальвинистское ощущение того, что жизнь — страшный риск и американский эксперимент вовсе не обречен на успех. Деятельность отцов-основателей в значительной степени была попыткой заложить рациональные основания общественного и политического устройства, приспособленные к конкретным условиям жизни на континенте, который стремился порвать с европейскими — феодально-монархическими корнями.

Конституция США, как уверял лорд Джеймс Брайс, стала «творением людей, которые верили в первородный грех и были полны решимости не оставить ни одной двери, которую они имели возможность закрыть, открытой для нарушителей». Александр Гамильтон — один из ведущих основоположников реализма — в первом же номере «Федералиста» утверждал, что американцы имеют возможность «своим поведением и примером решить важный вопрос: действительно ли человеческие сообщества способны установить хорошее правление, опираясь на свои рассуждения и свободу выбора, или же им навсегда суждено в деле своего политического устройства зависеть от случайностей или силы?» В своей инаугурационной речи первый президент США Джордж Вашингтон так определил предназначение страны: «Сохранение священного огня свободы и судьба республиканской модели правления справедливо считаются глубочайшим и конечным образом зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа». Отцы-основатели, считал Шлезингер, «были смелыми и невозмутимыми реалистами, ввязавшимися вопреки истории и теологии в грандиозную

игру»⁹. Полагаю, это было не совсем так. Им был присущ мессианский идеализм, пусть и не в тех масштабах, что пуританам. В США реализм никогда не существовал без дозы идеализма, и наоборот. Водораздел между идейными течениями, как правило, определялся пропорциями того или другого.

Мессианство США, обращенное вовне, также носило двойственный характер. С одной стороны, он включал в себя гуманистический, космополитически-демократический элемент, предполагал роль Америки как морального примера для остального мира. С другой — концепция «исключительности» становилась оправданием активного вмешательства в ход мировых событий во имя утверждения идеалов «американской мечты». В таком ракурсе мессианизм нередко получал милитаристскую окраску. Такой дуализм во многом способствовал формированию основных течений внешнеполитической идеологии и практики — изоляционизма и интервенционизма.

Конечно, в XVIII веке мысли о глобальной миссии Америки никак не соответствовали ее возможностям и весу в мировой системе. На этом этапе они использовались для оправдания колонизации континента, которая представлялась поселенцам не простой территориальной экспансией, а движением «высших арийских племен, несущих цивилизацию на Запад вслед за светилом»¹⁰. Идеи «исключительности» наполнялись новым и вполне реалистическим смыслом в годы англо-французских войн в Северной Америке. Жители английских колоний свою роль в этих войнах видели не столько в том, чтобы бросить победу и территорию Канады на алтарь величия метрополии, сколько в реализации собственных территориальных устремлений и утверждении независимости от Англии. Джон Адамс считал изгнание «беспокойных галлов» главным условием быстрого роста англоязычного населения Нового Света, что, по его мнению, должно было привести к «перенесению великого герба империи в Америку»¹¹.

Война за независимость и создание государственности

Именно Семилетняя война, полем сражений которой стала не только Европа, но и Северная Америка, оказалась катализатором американской революции. Война привела к удвоению задолженности британского государства, а победа в ней поставила под контроль Лондона восточные части Нового Света. Однако поддержание военного присутствия в американских колониях стоило слишком дорого, особенно с учетом того, что колонисты не платили больших налогов. Британия поставила цель реорганизовать администрацию и ввести налогообложение на территории Северной Америки, коль скоро там жили

люди, обладавшие формальным статусом подданных британской короны. Но это были уже особенные подданные. К этому времени в каждой колонии существовала собственная ассамблея представителей городов, на которой они обсуждали общие вопросы. В 1770-х годах в одном Массачусетсе действовало 300 регулярных городских собраний. Колонисты уже не представляли себе жизни без элементов представительного правления — петиций, голосований, публичных собраний и манифестаций, гражданского участия. Это оказалось даже более существенным источником американской демократии, нежели изучение трудов по истории Древнего Рима, где демократии, как известно, никогда не было.

Перспектива увеличения налогов вызвала яростное сопротивление. Британские законы, запрещающие колонистам селиться западнее Аппалачей, введение законом о гербовом сборе товарной пошлины спровоцировали бойкот британских товаров и самосуд над британскими таможенными чиновниками в Бостоне и других портах — их обмазывали дегтем и вываливали в перьях. В октябре 1765 года девять колоний направили делегатов на первый американский политический форум — Конгресс гербового сбора, прошедший под лозунгом: «Никаких налогов без представительства». Закон о гербовом сборе был отменен, однако по инициативе канцлера казначейства Чарльза Тауншенда для оплаты колониальных судей и губернаторов были введены пошлины на стекло, бумагу, краски и чай. В 1770 году британский парламент отменил все пошлины за исключением чайной. 16 декабря 1773 года группа колонистов, переодевшихся индейцами, проникла на борта трех судов, стоявших в бостонской гавани, и выбросила в море 342 сундука с чаем. Это было знаменитое «бостонское чаепитие». Британский король Георг III приказал закрыть гавань до полного возмещения ущерба, запретил городские собрания и назначил британского генерала губернатором Массачусетса. В сентябре 1774 года делегаты от всех колоний собрались в Филадельфии на Первый континентальный конгресс. Продемонстрировав солидарность с Массачусетсом и доставив необходимые блокированному штату товары по суше, они сделали важнейший шаг к неформальному союзу. Собрание проголосовало за бойкот всех британских товаров, потребовав представительства в британском парламенте, за совместные действия в случае, если одна из колоний подвергнется нападению. 19 апреля 1775 года британский генерал Гейдж предпринял марш из Бостона в Конкорд, чтобы захватить подпольный арсенал повстанцев. Американские ополченцы дали отпор британским войскам у Лексингтона и Конкорда, заставив Гейджа отступить с потерями в 250 человек убитых и раненых. Началась война за

независимость.

В 1776 году новый импульс борьбе придал памфлет недавно приехавшего из Англии Томаса Пейна «Здравый смысл», который разошелся полумиллионным тиражом в колониях, где проживало всего 2,5 миллиона человек. Пейн убеждал, что они, как и большинство европейцев, живут под гнетом тирании и перед ними стоит выбор: либо смириться с правлением никем не избираемого монарха, либо вступить в битву за свободу. В июне 1776 года Континентальный конгресс в Филадельфии поручил комитету из пяти человек — Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Роберт Ливингстон и Роджер Шерман — составить проект документа о государственной независимости. 4 июля 1776 года Конгрессом была принята Декларация независимости, написанная Джефферсоном с несколькими поправками Франклина, где говорилось о праве каждого человека на «жизнь, свободу и стремление к счастью» и провозглашалось отделение от Британии. Тринадцать соединенных штатов Америки образовали самостоятельное государство, которому оставалось разгромить войска метрополии. Главнокомандующим конгресс назначил виргинского плантатора Джорджа Вашингтона, который оказался неважным тактиком, но прекрасным лидером-вдохновителем, в котором и нуждалось добровольческое ополчение, сражавшееся с кадровой армией. Выиграв первые сражения, Вашингтон начал нести тяжелые потери, пока в октябре 1777 года не заставил сдаться 6 тысяч британских солдат при Саратоге. Этого оказалось достаточно, чтобы убедить французов, обхаживаемых Франклином в качестве посла США в Париже, вступить в войну. В октябре 1781 года английский генерал Корнуоллис был окружен в Йорктауне, где и капитулировал вместе с восьмьютысячным войском, после чего исход войны был предрешен. Формальный мирный договор был подписан в феврале 1783 года. Алексис де Токвиль писал, что после американской революции «принцип народовластия вышел за пределы общины и распространился на сферу деятельности правительства; все классы пошли на уступки ради торжества этого принципа; во имя него сражались и побеждали; он стал, наконец, законом законов. Внутри американского общества произошли столь же быстрые изменения. Закон о наследовании завершил уничтожение местного влияния.

К тому времени, когда воздействие законов и результаты революции стали мало-помалу очевидными для всего общества, демократия уже одержала безоговорочную победу. Демократия восторжествовала на деле, захватив власть в свои руки. Против нее не дозволялось даже вести борьбу. Высшие сословия подчинились ей безропотно и без сопротивления, как злу,

сделавшемуся отныне неизбежным. С ними произошло то, что случается обычно с теми, кто теряет свое могущество: на первый план выходят чисто эгоистические интересы каждого в отдельности, а поскольку власть уже невозможно вырвать из рук народа и поскольку массы не вызывают у них столь глубокой ненависти, чтобы не подчиняться им, постольку они решают добиваться во что бы то ни стало благосклонности народа. В результате самые демократические законы один за другим были поставлены на голосование и одобрены теми самыми людьми, чьи интересы страдали от этих законов в наибольшей степени. Действуя таким образом, высшие сословия не возбудили против себя народного гнева; напротив, они сами ускорили торжество нового строя. И — странное дело! — демократический порыв всего неудержимее проявлялся в тех штатах, где аристократия пустила наиболее глубокие корни»¹².

В мае 1787 года 55 делегатов от 13 государств-штатов собрались в Филадельфии для принятия конституции. Основная дискуссия сосредоточилась на двух главных вопросах: о прерогативах федерального правительства и штатов, и также о выборах в Конгресс. Некоторые делегаты отдавали предпочтение избранию конгрессменов ассамблеями штатов. Однако возобладала идея прямых выборов Конгресса и президента — через коллегию выборщиков. Правом голоса наделялись только те мужчины (женщины, индейцы и рабы оставались политически бесправными), кто имел в своей полной собственности облагаемую налогом недвижимость на 40 шиллингов. Делегаты доказывали, что именно собственники сознательно заинтересованы в благосостоянии страны, а люди сражались не за демократию, а за конституционное правление. Конституция определила взаимоотношения между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, а также исчерпывающие полномочия федерального правительства. Все остальные вопросы оставались в ведении самих штатов. После 17 недель тайного обсуждения документ был согласован. Когда конституцию направили на ратификацию, ряд законодательных собраний штатов под предводительством Массачусетса пожелали, чтобы были добавлены гарантии прав граждан. Джеймс Мэдисон подготовил поправки к конституции, десять из которых были приняты и получили название Билля о правах, предусматривавшего права на свободу слова и мирные собрания, на ношение оружия, на отказ от свидетельствования против себя (часто используемая Пятая поправка), право на суд присяжных. Естественно, заявленные права и свободы не касались рабов и коренного населения — индейцев. Но США возникли как уникальный для того времени образец эгалитарного общества широких прав со слабой аристократией и

законом зафиксированным формальным равенством граждан. «В Америке аристократическая элита, будучи весьма слабой уже в момент своего зарождения, в настоящее время если до конца еще и не уничтожена, то, по меньшей мере, ослаблена до такой степени, что вряд ли можно говорить о каком-либо ее влиянии на развитие событий в стране, — подметит Токвиль в 1830—1840-е годы. — Напротив, время, события и законы создали такие условия, в которых демократический элемент оказался не только преобладающим, но и, так сказать, единственным. В американском обществе не заметно ни фамильного, ни сословного влияния, здесь даже очень редко случается, чтобы какая-то отдельная личность имела вес в обществе долгое время. Американский общественный строй, таким образом, представляет собой чрезвычайно странное явление. Ни в одной стране мира и никогда на протяжении веков, память о которых хранит история человечества, не существовало людей, более равных между собой по своему имущественному положению и по уровню интеллектуального развития, другими словами — более твердо стоящих на этой земле»¹³. Токвиль считал, что «место американской аристократии в среде адвокатов и судей». Политическая система, созданная конституцией, позволила Соединенным Штатам оставаться стабильным образованием на протяжении двух столетий, за которые они изменились до неузнаваемости, превратившись в одну из сильнейших стран мира. «Конституция Соединенных Штатов не могла родиться в Венеции, Лондоне, Эдинбурге, Вене или Мадриде; ее авторы должны были верить, пусть и ошибочно, что у их общества нет прошлого, на которое нужно озираться, а только принципы, которыми нужно руководствоваться в настоящем, — подчеркивает Роджер Осборн. — Вслед за Томасом Пейном они были убеждены, что их не могут ограничивать законы предков. Однако, как только вожди Американской революции создали прецедент начинания с нуля, другие уже могли следовать их примеру. Ни в Париже в 1789 году, ни в Петрограде в 1917 году не произошло бы того, что там произошло, если бы не события в Филадельфии в 1776 году»¹⁴.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Изначальный дуализм американской традиции, проявившийся в колониальную эпоху, продолжился и в практической политике, и идеологии независимых Соединенных Штатов Америки.

Во внутриполитической сфере дихотомия проявилась и проявляется до сих пор, прежде всего, в ответе на вопрос о роли государства и его регулирующих функций в жизни общества. Обычно принято считать, что

США являются страной классического частного предпринимательства, которое и стало первопричиной ее феноменальных успехов. Это не совсем так. Собственно, «библия» частного предпринимательства — «Богатство народов» Адама Смита — появилась на свет в один год с американской Декларацией независимости. В колониальные времена, как и в первые десятилетия самостоятельности, преобладали идеи меркантилизма, которые позволили Кольберу добиться выдающихся успехов в подъеме французской экономики. Когда идеи Смита дошли до Америки, началось продолжающееся — с модификациями — до сих пор противоборство двух подходов. «Первый ассоциировался с именем Гамильтона, видевшего Америку динамичной республикой, капиталистическим правовым государством, в котором экономика основывается на техническом прогрессе и частных корпорациях. Сторонники Гамильтона видели в национальном правительстве эффективный инструмент для превращения аграрной страны в бурно развивающуюся промышленную державу»¹⁵. Отбрасывая в сторону «фантазии Адама Смита» и называя идею о саморегулировании экономики «бредовым парадоксом», Гамильтон писал в 7-й статье «Федералиста»: «Ничем не ограниченный дух предпринимательства ведет к нарушению законов и произволу, а в итоге — к насилию и войне». В своей Великой программе 1790-х годов Гамильтон призывал государство предоставлять средства лишь тем, кто готов использовать их под контролем общества на развитие национального производства. Его идеи стали фундаментом экономического реализма, признававшего роль государства в экономическом регулировании.

Другая точка зрения была связана с именем вечного оппонента Гамильтона — Томаса Джефферсона. «Он видел Америку будущего как рай для мелких хозяйств, сельскую Аркадию, где каждый свободный землевладелец чувствует себя в безопасности под своею виноградной лозой и своею смоковницей... Джефферсон, впрочем, оставаясь в общем и целом сторонником сельского образа жизни, как государственный деятель проявил достаточно дальновидности, особенно в период своего президентства, чтобы не отстаивать догматически сугубо аграрную экономику... Но необходимость функционирования банков и бирж он до конца так и не смог признать, что было предметом его бесконечных пререканий со сторонниками Гамильтона»¹⁶, — подчеркивал Шлезингер. Джефферсон, считавший «Богатство народов» «лучшей книгой нашего времени» по политической экономии, утверждал: «Получай мы указания из Вашингтона, когда нам сеять, а когда собирать урожай, мы, пожалуй, остались бы без хлеба».

Продолжение следует

Примечания

- 1 Уинстон Черчилль. Изречения и размышления. М., 2012. С.188.
- 2 Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер Осборн. М., 2008. С. 15.
- 3 Доминик Моизи. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 144-145, 153-154.
- 4 Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992. С. 53.
- 5 Артур М. Шлезингер. Циклы американской истории. М., 1992. С.15-16.
- 6 Артур М. Шлезингер. Циклы американской истории. М., 1992. С.28-29.
- 7 Дэниел Макинери. США. История страны. М., 2011. С.40.
- 8 Curti M. The Roots of American Loyalty. N. Y., 1968. P. 6
- 9 Артур М. Шлезингер. Циклы американской истории. М., 1992. С.25.
- 10 Horsman R. Race and Manifest Destiny: The Origins of American Racial Anglo-Saxonism. Cambr.; L. 1981. P. 84
- 11 Van Alstyne R. Empire and Independence: The International History of the American Revolution. N. Y. et. al., 1965. P. 1
- 12 Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992. С. 63
- 13 Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992. С. 60-61
- 14 Роджер Осборн. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2008. С. 482-491
- 15 Артур М. Шлезингер. Циклы американской истории. М., 1992. С.313.
- 16 Артур М. Шлезингер. Циклы американской истории. М., 1992. С.314.